

Б У Д Е Т М У З Е Й Ш А Л Я П И Н А

«Ш АЛЯПИН не умрет. Умереть он не может. Ибо он, этот чудо-артист с истинно сказочным дарованием, неизбежаем... Для будущих же поколений он будет легендой». Эти слова, сказанные о Ф. Шаляпине его другом С. Рахманиновым, оказались пророческими.

Место Шаляпина в русской и мировой культуре определено давно другим его великим и близким другом — Максимом Горьким, который писал Федору Ивановичу: «Ты в русском искусстве музыки первый, как в искусстве слова первый — Толстой. Это говорит тебе не лстец, а искренне любящий тебя русский человек, — человек, для которого ты — символ русской мощи и таланта... в русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин». И еще: «Любить надо таких людей и ценить их высокою ценою...»

Чем дальше уходит от нас эпоха Федора Шаляпина, тем ближе он нам, советским людям, тем глубиннее познаем мы эти слова Максима Горького и разделяем их разумом и сердцем. Сказаны они были до трагической ошибки Шаляпина — эмиграции. Но даже она не умаляет горьковскую характеристику великого артиста. Да, он не успел при жизни вернуться домой. Но он до самой смерти жил мыслью о возвращении. Его отношение к нашей стране убедительно выражено в письме к И. Дворичину: «Говоря по совести, до боли скучаю по дорогой родине, да и по вас по всех... Стороной узнаю, что жизнь в СССР налаживается хорошо — урра! Какие мы с тобой будем счастливые, когда все устроит русский рабочий народ!»

Глубоко прав И. Андроников, когда он, говоря об этих письмах Шаляпина, утверждает, что в них «выражены не моментальные состояния Шаляпина, а коренные, непоколебимые его убеждения».

Эти убеждения, думается, проявились бы на деле в полную силу, доживи он до Великой Отечественной войны. Сын русской земли Федор Шаляпин внес бы свой посильный вклад в героическую борьбу советского народа

Федор Иванович Шаляпин был противником нашей идеологии и нашего строя. Не исправленная им крупная ошибка — не вина, а беда его. Мы, безусловно, верим душевной искренности певца, когда он, разделяя мысль М. Горького, отмечал, что «мы все принадлежим сво-

ей стране, своему народу и что мы должны быть с ними не только морально, — как я иногда себя утешаю, но и физически...»

Он до смертного часа оставался гражданином нашей страны, не приняв чужого подданства. Больше того, он никогда не отождествлял себя с белоэмиграцией. В 1921 году он писал из-за границы дочери: «Вы, наверное, получили вырезки из здешних газет... мои русские коммюнтюты, убежавшие из родной страны в самое тяжелое для народа время, как озорные верблюды, брызжут грязными выделенными слизистых оболочек носа куда и как попало. Жалко мне их, этих бедных, убогих эмигрантиков... я думаю, что Россия совершенно ничего не потеряла с уходом из нее этих чучел с большими животами и маленькими головками!»

А ведь, по существу, Федор Шаляпин никогда и не расставался с нами: в СССР издано огромное количество грампластинок, на которых бережно восстановлен неповторимый шаляпинский голос. Он звучал и звучит по всей необъятной стране. Нет у нас такой семьи, где его не слушали бы и не помнили. Не говоря уже о том, что у нас издается бесчисленное количество статей, книг, исследований, посвященных Шаляпину. Но нам этого мало.

А. Воробьев, первый комиссар революционного Балтийского флота, рассказывал И. Андроникову о том, как Шаляпин помогал деньгами в организации подпольной большевистской типографии, как он, всей душой откликнувшись на многочисленные предложения, с радостью выступал в революционные дни перед балтийскими матросами. Вот строчки из письма А. Воробьева: «И нам, ветеранам, хочется, чтобы память о народном русском певце была сохранена для будущих поколений». Ираклий Луарсабович отмечает: «Это письмо, так же, как и воспоминания Н. П. Ядрова (бывшего матроса легендарного крейсера «Варяг», человека, близко знавшего Шаляпина и организовавшего его концерты для ухаживших на фронты гражданской войны моряков. — Авт.), еще раз — и очень авторитетно — подтверждает силу шаляпинского искусства, свидетельствует о том, какое огромное воздействие оказывало пение Шаляпина на людей, совершивших величайшую в мире революцию... В конце письма

он (А. Е. Воробьев. — Авт.) ставил вопрос об организации музея Ф. И. Шаляпина, о чем, кстати сказать, пишут многие».

Министерство культуры СССР приняло решение об организации «Музея Ф. И. Шаляпина и истории русского вокального искусства». Это прекрасное и глубоко верное решение: имя великого Шаляпина неразрывно связано с историей русского вокала.

Уже началась реставрация дома Шаляпина в Москве по улице Чайковского, 25, где будет размещен музей. И, кстати сказать, это большое дело попало в руки человека, боготворящего шаляпинский дар — главного архитектора проекта реставрации дома Галины Евгеньевны Духаниной, убежденной в том, что память о Шаляпине не может быть только музейной, даже в лучшем варианте. Она должна быть звучащей в полном смысле слова. На территории музея надо создать новый крупный музыкальный центр Москвы — построить концертный зал имени Шаляпина. Причем зал чистого вокала, где не будет микрофона...

Конечно, это лишь замысел. Очевидно, будет конкурс на лучший проект. Разумеется, над созданием всего комплекса будут работать архитекторы, инженеры, строители, но мы считаем своим долгом сказать несколько слов о человеке, высказавшем отличную идею о «звучащей памяти» Шаляпина. И уже видится, что самые выдающиеся вокалисты земного шара будут считать честью выступить в этом зале.

Насколько нам известно, вопрос о строительстве концертного зала имени Шаляпина в принципе уже решен.

Надеемся — и уверены! — что эта весть вызовет широчайший отклик не только в нашей стране, но и за рубежом, что со всех концов света в адрес будущего музея пойдут самые разнообразные материалы, связанные не только с жизнью и творчеством Ф. Шаляпина, но и вообще имеющие отношение к истории вокала в нашей стране.

Адрес, по которому их можно выслать:

103009 Москва, Георгиевский переулок, д. 4, Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки (для музея Шаляпина).

Р. С. И почему бы не назвать именем Шаляпина улицу в нашей столице?..